

Рецензия на книгу

УДК 165.731

DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-145-154

Сила и слабость логического позитивизма Е. В. Булыгина

Рецензия на книгу:

Как возможна логика в праве? / Под общ. ред. М. В. Антонова, Е. Н. Лисанюк, Е. Н. Тонкова. СПб.: Алетейя, 2021

Елена Альбертовна Баженова

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
Владимир, Россия
yelenabazhenova0304@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0088-6131>

Аннотация

В рецензии представлена развернутая оценка коллективного исследования творчества русско-аргентинского правоведа Евгения Викторовича Булыгина, результаты которого нашли отражение в книге «Как возможна логика в праве?» (под общ. ред. М. В. Антонова, Е. Н. Лисанюк, Е. Н. Тонкова. СПб.: Алетейя, 2021). Подчеркивается, что участникам исследования удалось всесторонне проанализировать достоинства и недостатки логического позитивизма Е. В. Булыгина. К числу первых большинство исследователей относят разграничение между нормами права и нормативными предложениями, благодаря которому правовые предписания стали поддаваться логическому анализу. Слабые стороны логического позитивизма авторы связывают с его неспособностью обосновать нормативность, а также с недостатками дедуктивизма как модели судебной аргументации.

Ключевые слова

Е. В. Булыгин, право, логика, логический позитивизм, нормы, нормативные предложения, дедуктивная модель правоприменения

Для цитирования

Баженова Е. А. Сила и слабость логического позитивизма Е. В. Булыгина. Рец. на кн.: Как возможна логика в праве? / Под общ. ред. М. В. Антонова, Е. Н. Лисанюк, Е. Н. Тонкова. СПб.: Алетейя, 2021 // Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19, № 4. С. 145–154. DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-145-154

© Баженова Е. А., рец., 2021

Bazhenova E. A. Strength and Weakness of E. V. Bulygin's Logical Positivism

Book Review:

**Antonov M. V., Lisanyuk E. N., Tonkov E. N. (eds.)
How Is Logic in Law Possible?
St. Petersburg, Aleteia, 2021**

Elena A. Bazhenova

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
Vladimir, Russian Federation
yelenabazhenova0304@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0088-6131>

Abstract

The review provides a detailed account of the collective study of the oeuvre of the Russian-Argentinian legal scholar Evgeny Viktorovich Bulygin, the results of which are reflected in the book "How Is Logic in Law Possible?" (M. V. Antonov, E. N. Lisanyuk, E. N. Tonkov (eds.). St. Petersburg: Aleteia, 2021). It is emphasized that the research participants succeeded in carrying out a comprehensive analysis of the merits and deficiencies of Bulygin's logical positivism. Among the merits, most researchers consider the distinction between the rules of law and normative propositions, in virtue of which legal prescriptions came to lend themselves to logical analysis. The authors associate the weaknesses of logical positivism with its inability to justify normativity, as well as with the shortcomings of deductivism as a model of judicial argumentation.

Keywords

E. V. Bulygin, law, logic, logical positivism, norms, normative propositions, deductive model of the application of law

For citation

Bazhenova E. A. Strength and Weakness of E. V. Bulygin's Logical Positivism. Book Review: Antonov M. V., Lisanyuk E. N., Tonkov E. N. (eds.). How Is Logic in Law Possible? St. Petersburg, Aleteia, 2021. *Siberian Journal of Philosophy*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 145–154. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-4-145-154

Евгений Викторович Булыгин (1931–2021) – один из немногих философов права с мировым именем, имеющих российское происхождение. Булыгин родился в Харькове, учился и преподавал в Университете Буэнос-Айреса, проводил исследования в Оксфорде под руководством Г. Л. А. Харта, писал на испанском, английском и немецком языках, полемизировал с Гансом Кельзеном, Альфом Россом и Робертом Алекси. Эта полемика, как и научная карьера Е. В. Булыгина в целом, отражают интернациональный характер философии права, в противо-

положность распространенному мнению о национальной специфике правовых систем, каждая из которых замкнута на обсуждение собственных уникальных проблем правовой теории и практики. Сложность и многогранность затронутых авторами сборника вопросов погружают читателя в контекст современных мировых философско-правовых дискуссий, и сборник можно рассматривать как важное связующее звено между русскоязычной и мировой философией права.

Книга задумывалась как академический подарок Евгению Викторовичу, которому 25 июля 2021 года должно было исполниться 90 лет. Уже после окончания подготовки книги к изданию пришла скорбная новость о том, что Е. В. Булыгин скончался 11 мая 2021 г. Тем не менее, как отмечают редакторы, книга остается свидетельством уважения и интереса русскоязычного научного сообщества к взглядам и теории русско-аргентинского правоведа.

Как возможна логика в праве? Что может дать логика праву, а право – логике? Этими фундаментальными вопросами редакторы предваряют коллективное исследование творчества Е. В. Булыгина, разработавшего обновленную версию юридического позитивизма – логический позитивизм – на основе деонтической логики Г. Х. фон Вригта. Ряд авторов сборника обращаются к полемике между Е. В. Булыгиным и британским философом Сьюзен Хаак, утверждающей, что логика играет в праве важную, но ограниченную роль [Haack, 2007]. С этим утверждением можно согласиться, как соглашался с ним и сам Евгений Викторович, подчеркивая, тем не менее, успехи применения логики в праве. Думается, что попытка Е. В. Булыгина и его соавтора К. Э. Альчуррона построить теорию нормативных систем («Нормативные системы» – название центрального труда творческого тандема) на основе деонтической логики ценна прежде всего как опыт применения в анализе права революционных достижений логики конца XIX – первой половины XX в.

Одним из важнейших успехов логики в праве Е. В. Булыгин считал разграничение между дескриптивным и прескриптивным пониманиями норм, отталкиваясь от которого, равно как и от идей Г. Х. фон Вригта, он предложил разделять нормы и нормативные предложения. Как отмечает В. И. Павлов, данное разграничение плохо соотносится с принятым в русскоязычном правоведении понятийно-категориальным аппаратом. Е. В. Булыгин исходит из экспрессивной концепции норм, сторонники которой представляют норму как определенный речевой акт – речевое действие (этот аспект подробно рассмотрен в текстах В. В. Оглезнева и А. Б. Дидикина). Связь норм с видами действий используется Е. В. Булыгиным как аргумент в пользу невозможности логических отношений между нормами. Однако такие отношения возможны между нормативными предложениями, к которым применимы критерии истинности / ложности. Со-

ветское правоведение не видело необходимости в выделении дескриптивного аспекта норм, поскольку считалось, что нормы в своем регулятивном качестве отражают общественную деятельность [Баранов, 1989, с. 110–111].

В. Н. Карташов критически оценивает тезис Е. В. Булыгина о разграничении между нормами права и нормативными предложениями. По его мнению, само нормативно-правовое предписание обладает логической структурой – внутренним строением, конструируемым по схеме: «Если..., то..., иначе...». Представляется, однако, что элементы данной схемы не выводятся друг из друга по правилам логики, и осознание этого, возможно, явилось фактором, склонившим Е. В. Булыгина к экспрессивной концепции норм. И. Л. Честнов подчеркивает, что структура нормы права состоит из гипотезы, которая описывается дескриптивными предложениями, и диспозиции, формулируемой прескриптивными предложениями. Если нет логической выводимости долженствования из описания фактического положения дел (дилемма Йоргенсена), то структура нормы права не может быть обоснована правилами формальной логики. Конструирование норм права в таком случае, полагает И. Л. Честнов, основывается на «нелогических» положениях (социальных, культурных, психических факторах, формирующих условия произнесения высказывания). Можно согласиться с Ильей Львовичем в том, что проблема выведения должного из сущего не решается средствами формальной логики. Тем не менее, крайности некогнитивизма в вопросе обоснования нормативности – не единственная опция; современная философия предлагает и рациональные подходы к решению этого вопроса, например, возрождение телеологической схемы Аристотеля А. Макинтайром или упоминаемая И. Л. Честновым делиберативная концепция Ю. Хабермаса.

Н. В. Варламова обращает внимание на свойственный юридическому позитивизму этический скептицизм, который, по ее мнению, лишает позитивистских теоретиков инструментария для обоснования прав человека. Так, Е. В. Булыгин утверждает, с одной стороны, что права человека «лишены твердой почвы», «предварительно не защищены ни посредством естественного права, ни посредством объективной морали», с другой – что права «представляют собой достижение человечества, которое следует оберегать» [Булыгин, 2016, с. 72]. Н. В. Варламова справедливо указывает на противоречивость данных заявлений русско-аргентинского правоведа.

Впрочем, Е. В. Булыгина, как кажется, не интересуют вопросы обоснования нормативности, и в этом он верен программе эмпиризма. В исследовании М. В. Антонова отмечается, что, основываясь на позитивистском тезисе о социальных источниках права, Булыгин критикует теорию двух миров (Сущего и Должного), а также выводимую из нее характеристику правовых норм как

принадлежащих к миру Должного, которой следует Г. Кельзен. С точки зрения юридического позитивизма, полагает Е. В. Булыгин, фактические действия по созданию, промульгации, отмене правовых норм являются условиями существования всех норм права. Для позитивиста Должное в праве не может возникнуть иначе как через те акты и процессы, что протекают в мире Сущего. М. В. Антонов рассматривает критику Булыгиным элементов трансцендентализма, которые Кельзен воспринял из философии Канта. По мнению русско-аргентинского правоведа, эти элементы не согласуются с методологическими принципами юридического позитивизма, приводят к непоследовательности в теории Кельзена, и поэтому их следует исключить. Важнейший идеалистический элемент такого рода – тезис Кельзена об «эпистемологическом создании» норм права, согласно которому наука о праве участвует в создании своего предмета. Этот тезис, по мнению Булыгина, несовместим с позитивистской идеей о социальных источниках права. Нет необходимости, полагает он, прибегать к категориям рассудка как условию возможности права.

В продолжение дискуссии о нормативных предложениях интерес представляет наблюдение Е. Л. Поцелуева о том, что, хотя в примерах, приводимых Е. В. Булыгиным, норма и нормативное высказывание имеют одинаковые языковые выражения, по смыслу его теории нормативные высказывания выступают результатом дескриптивного толкования нормы и, следовательно, могут отличаться друг от друга и от нормы по формулировкам и значению. Свет на эту проблему проливает исследование И. К. Лавренюка, показывающее, что Е. В. Булыгин разграничивал нормативные предложения как дескриптивные нормы-формулировки и теоретические высказывания о праве, которые также носят дескриптивный характер, но могут сообщать и иную информацию о фактическом положении дел в правовом порядке, помимо описания содержания норм. Тем не менее, простота подобного разграничения лишь кажущаяся, как свидетельствуют размышления Ю. Е. Пермякова о естественно-правовых основаниях доктринальных суждений. По мнению Юрия Евгеньевича, анализ правового мышления весьма часто затрагивает проблематику естественного права, потому что – в отличие от правовых норм – правила толкования и конструирования юридических понятий не устанавливаются государственной властью, и в них невозможно усмотреть наличие политической воли. Обсуждая предложенную Е. В. Булыгиным категорию нормативных предложений как дескриптивных высказываний, Ю. Е. Пермяков подчеркивает, что в праве дескриптивные и смысловые аспекты не так просто разделить. Например, норма не принадлежит фактической реальности, а, скорее, свидетельствует о должном как о человеческом способе бытия, сопряженном с усилием, направленным на признание, узнавание и расставание

с собственной анонимностью, благодаря чему только и возможно вменение действия субъекту в качестве основания моральной и правовой ответственности. Правовые притязания, пишет Ю. Е. Пермяков, не измышляются беспечным сознанием, но обусловлены экзистенциальной необходимостью, и именно поэтому мобилизуют субъекта на встречу с инстанцией. Равным образом, описание нормы не может быть тождественно ее изложению (индикации), но включает в себя характеристику ее принадлежности к целостности, включая суждения о действительности и действенности нормы в рамках правового порядка. Наконец, юридические высказывания, касающиеся каких-либо обстоятельств, всегда располагаются в перспективе предстоящего разрешения дела (обладают перформативным значением), что делает проблематичным их сведение к логической формуле, адресованной безучастному слушателю.

Несколько текстов сборника посвящены пониманию Е. В. Булыгиным действительности и действенности норм права. Н. С. Васильева рассматривает данный вопрос в контексте идей Альфа Росса, от которых Е. В. Булыгин во многом отталкивался в своих рассуждениях. И Альф Росс, и Е. В. Булыгин критикуют идею Г. Кельзена о нормативной действительности права как обязательности постольку, поскольку она указывает на моральную обязанность повиноваться праву. Однако, если Росс связывает действительность норм с психологическими переживаниями, главным образом, правоприменителей, то Булыгин уходит от психологизма, истолковывая нормативную действительность при помощи термина «применимость», который он трактует как правовую обязанность, установленную «нормами применения» (например, нормой Уголовного кодекса, обязывающей судью применить более мягкое наказание [Булыгин, 2013, с. 352]). Нормативная действительность, по Булыгину, не зависит от каких-либо метафизических оснований, подобных Основной норме Кельзена либо системности права (системную действительность Булыгин трактует как исключительно дескриптивную категорию), но зависит лишь от существования в соответствующей правовой системе норм применения. Поэтому и понятие действительности, и понятие действенности права выступают у Булыгина как аспекты применимости.

С. М. Кускова исследует логические свойства правовой нормы, связанные с понятием ее действенности. Определение Е. В. Булыгиным действенности нормы как диспозиционного свойства позволяет обнаружить специфику последнего в умственных действиях судьи и агента, чье поведение норма регулирует. Действенность нормы подобна диспозиционному свойству сахара быть растворимым в воде. На уровне агента (или бытия) действенность означает, что нарушение нормы влечет для агента неблагоприятные последствия, следовательно, норма

направляет волю агента. Судья, действующий на метатеоретическом уровне (уровне познания), использует норму для обоснования решения. Связь между нормой и предпринимаемым на ее основе действием (или судебным решением) не является каузальной, поскольку действия совершаются и решения принимаются в результате умственной деятельности субъектов. По мнению С. М. Кусковой, полезно проводить аналогии между деонтическими и алетическими модальностями, так как эти модальности обладают общими свойствами, однако в алетических модальностях такие свойства менее выражены. Например, истинностная оценка как деонтических, так и алетических высказываний зависит от доступных субъекту средств познания и уровня знаний.

Обсуждение теории правоприменения Е. В. Булыгина представлено исследованиями А. А. Краевского, А. А. Петрова, К. В. Карпенко и И. Ф. Мачина. А. А. Краевский анализирует попытку Булыгина смягчить крайности правового формализма и правового реализма, основные положения которых русско-аргентинский правовед считает вполне совместимыми. Если формализм подчеркивает ведущую роль норм в принятии судебного решения, то реализм рассматривает в качестве ключевых в этом процессе неюридические факторы: политические соображения, моральные и религиозные идеи, личные оценки, эмоции и т.п. По мнению Е. В. Булыгина, одно не противоречит другому, поскольку реализм описывает мотивацию судьи (психологический вопрос), а формализм – нормативное обоснование решения (вопрос логический). Эти аспекты, полагает Булыгин, необходимо разделять. Кроме того, русско-аргентинский правовед не согласен с идеей Г. Кельзена об относительности различия между правотворчеством и правоприменением. Судебное решение, по Булыгину, – не индивидуальная норма (как полагал Кельзен), а логическое умозаключение, в котором мотивировочная часть играет роль посылок, а резолютивная часть – заключения. По мнению А. А. Краевского, имеются серьезные аргументы против такой позиции, в частности, она построена на оригинальном понимании Е. В. Булыгиным правотворчества, которое не подтверждается нормотворческой практикой; кроме того, Евгению Викторовичу не удастся полностью устранить сомнения в логической выводимости из общих норм некоторых категорий решений.

А. А. Петров указывает на недостаточность логического подхода авторов «Нормативных систем» к пониманию и разрешению коллизий правовых норм, поскольку этот подход редуцирует коллизии к логическим противоречиям норм либо утверждениям о соблюдении норм. В то же время, функциональный подход, связывающий конфликт с тем, что нормы влекут адресата к разным целям, содержит, по мнению А. А. Петрова, больше возможностей для идентификации и разрешения нормативных коллизий. К. В. Карпенко обсуждает критику

Е. В. Булыгиным «принципа замыкания» (всё, что не запрещено законом, разрешено), обязательность которого русско-аргентинский правовед признает лишь в случае его явного закрепления в качестве нормы права. По мнению К. В. Карпенко, принцип замыкания не теряет своей обязательности даже в том случае, если подобное закрепление отсутствует, что подтверждается традицией римского права, а также современной конституционно-правовой и международно-правовой практикой. И. Ф. Мачин отмечает, что исследование положения *nullum crimen sine lege* как «правила замыкания», проведенное К. Э. Альчурроном и Е. В. Булыгиным, позволяет посмотреть на систему уголовного права как на одну из замкнутых нормативных систем, отличных от других.

Наконец, следует особо отметить анализ рядом авторов вопросов системности права в теории Е. В. Булыгина. Рассматривая логические аспекты обоснования судебного решения в теории Е. В. Булыгина, Е. Н. Лисанюк и Е. В. Тимошина задаются вопросом о том, возможно ли отождествить обоснование решения с его выводением? Гарантом наличия отношения логического следования между посылками и заключением в нормативной системе выступают полнота и непротиворечивость нормативного множества. Поскольку требования полноты и непротиворечивости Булыгин считает не свойствами нормативной системы в юридическом смысле, а требованиями, обращенными к правоприменителю, конструирующему нормативное множество – нормативную систему в логическом смысле – для обоснования решения по делу, содержательная работа правоприменителя по построению такой формальной реконструкции, включая выбор одних элементов и отбрасывание других, остается за рамками дедуктивной модели, что сводит на нет гарантию учета всех имеющих значение для дела нормативных аспектов. Такой вывод наводит читателя на размышления о необходимости альтернатив дедуктивизму как модели судебной аргументации.

Е. Н. Тонков отталкивается от понятия нормативной системы, находящегося в центре анализа К. Э. Альчуррона и Е. В. Булыгина, и конструирует с его помощью плюралистическую картину юридической жизни, включающей, наряду с правом конкретного государства, нормативные системы судей и индивидуальные нормативные системы субъектов. Е. Н. Тонков обсуждает понятие нормативной системы с точки зрения формирования социально-психологических убеждений правоприменителя. Он солидаризируется с антиформализмом Е. В. Булыгина и К. Э. Альчуррона, однако, оставаясь на позициях юридического реализма, считает необходимым учитывать в теории правоприменения психологические элементы правовой жизни и конкретные жизненные обстоятельства тяжущихся субъектов.

Хотя каждый из авторов сборника рассматривает тот или иной специфический аспект творчества Е. В. Булыгина, «сквозной» характер тем, внимание к полемике, которую вел Евгений Викторович с ведущими правоведами XX столетия, а также разнообразие методологических позиций участников коллективного исследования позволяют читателю составить целостную картину теоретических представлений русско-аргентинского правоведа, включая их достоинства и недостатки. К числу несомненных достижений Е. В. Булыгина большинство авторов относят разграничение между нормами и нормативными предложениями, благодаря которому правовые предписания стали поддаваться логическому анализу. Слабость логического позитивизма Е. В. Булыгина исследователи связывают с неспособностью обосновать нормативность, с недостатками дедуктивизма как модели судебной аргументации, а также с чрезмерным упрощением картины правовой реальности вследствие строгой установки на эмпиризм и отделение описания от оценки.

Участникам коллективного исследования удалось показать, как обсуждение возможностей логики в праве способно вывести на осевые для юриспруденции проблемы понимания права, его рациональности, нормативности, системности, аргументативной природы и способности осуществить задачи правосудия. Результаты исследования, кроме того, демонстрируют, что и право способно влиять на развитие логики. Деонтическая логика, логика норм и некоторые другие неклассические логики работают с юридическим материалом, а развитие аргументативной теории права, как и непрекращающиеся дискуссии юристов об истинности правовых норм и принципов побуждают логику искать новые решения фундаментальных вопросов теории познания. Книга должна быть рекомендована каждому, кто интересуется логикой и философией права.

Список литературы

- Баранов В. М.** Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989.
- Булыгин Е. В.** Проблема действительности по Кельзену / пер. с нем. М. В. Антонова // Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм. СПб.: ИД СПбГУ, 2013. С. 344–357.
- Булыгин Е. В.** К проблеме обоснования прав человека // Булыгин Е. В. Избранные работы по теории и философии права. СПб.: Алеф-Пресс, 2016. С. 66–72.

Как возможна логика в праве? / Под ред. М. В. Антонова, Е. Н. Лисанюк, Е. Н. Тонкова. СПб.: Алетеия, 2021.

Haack S. On Logic in the Law: "Something, but not All". *Ratio Juris*, 2007, vol. 20, no. 1, pp. 1–31.

References

Antonov M. V., Lisanyuk E. N., Tonkov E. N. (eds.) *Kak vozmozhna logika v prave* [How Is Logic in Law Possible?]. St. Petersburg, Aletea, 2021. (in Russ.)

Baranov V. M. Istinnost' norm sovetskogo prava. Problemy teorii i praktiki [The Truth of the Norms of Soviet Law. Problems of Theory and Practice]. Saratov: Saratov university, 1989. (in Russ.)

Bulygin E. V. K probleme obosnovaniia prav cheloveka [On the issue of human rights' justification]. In: Bulygin E. V. *Izbrannye raboty po teorii i filosofii prava* [Selected Works in Theory of Law and Philosophy of Law]. St. Petersburg: Alef-Press, 2016, pp. 66–72 (in Russ.)

Bulygin E. V. Problema dejstvitel'nosti po Kel'zenu [The Problem of Validity According to Kelsen]. Transl. from German by M. V. Antonov. In: Alchourrón C. E., Bulygin E. V. "Normativnye sistemy" i drugie raboty po filosofii prava i logike norm ["Normative Systems" and Other Works on the Logic of Norms]. St. Petersburg, SPbSU Press, 2013, pp. 344–357. (in Russ.)

Haack S. On Logic in the Law: "Something, but not All". *Ratio Juris*, 2007, vol. 20, no. 1, pp. 1–31.

Информация об авторе

Елена Альбертовна Баженова, кандидат юридических наук
доцент Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Information about the Author

Elena A. Bazhenova, Candidate of Law Science
Docent of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolai Stoletovs

Статья поступила в редколлегию 14.12.2021;

одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 25.01.2022

The article was submitted 14.12.2021;

approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 25.01.2022